

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-893-909

EDN: IDNIAN

УДК 811.161.1'42:821.161.1P-31

Научная статья / Research article

Ветер: семантизация символа в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»

И.В. Якушевич

Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4

 sa1107@yandex.ru

Аннотация. Исследование проведено на стыке семиотики, лингвокультурологии и лингво-поэтики текста и посвящено одной из актуальных проблем современного гуманитарного знания — выявлению, семантическому описанию и языковой репрезентации одного из значимых символов национального мифологического мышления — ВЕТЕР. Цель исследования — представить модель знаковой структуры символа ВЕТЕР и рассмотреть его языковую трансформацию в романе «Доктор Живаго». Основной метод исследования — семантико-семиотическое описание знаковой структуры символа ВЕТЕР в категориях означающего и означаемого. Под семантизацией символа мы подразумеваем особенности его языкового воплощения и, как следствие, возникновение авторской трансформации общекультурного символического кода слова. Означающее символа — чувственный образ воздушного потока — в тексте может быть семантизирован как словами *ветер*, *метель*, *бура* и пр., так и разными синтаксическими конструкциями. Означаемое — ряд символических значений, сложившихся в культуре народа как результат мифологического отождествления воздушной стихии природы и человека. В результате исследования найдено пять символических значений, для объективации которых были привлечены данные словарей и фольклорные тексты: 1) ВЕТЕР→ДУХ, ДУША, 2) ВЕТЕР→РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА, 3) ВЕТЕР→СЛОВО, ВЕСТЬ, 4) ВЕТЕР→ЗЛО, МАГИЯ, 5) ВЕТЕР→ЖИЗНЬ. В тексте каждое из этих общекультурных значений трансформировано в системе событий и персонажей романа. Так, второе значение представлено четырьмя вариантами означаемого: ‘смерть матери Живаго’, ‘рождение сына’, ‘смерть Антипова’, ‘смерть Юрия Живаго’. Наиболее частотными в репрезентации двухкомпонентной структуры символа являются восходящие градационные ряды, обозначающие рост силы ветра и его превращения в дождь или метель. Одновременно разворачивается градационный ряд слов, передающий динамику психологического или физического состояния героя. Символическое значение часто актуализировано при помощи других символов, чье означаемое дублирует символ ветер. Итогом исследования является вывод об амбивалентной природе символа ВЕТЕР, возникающего в ключевые моменты жизни Юрия Живаго. ВЕТЕР — сама жизнь в мистическом ее понимании: как бессмертие.

© Якушевич И.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: означающее, означаемое, символ-дублер, восходящая градация, актуализатор символического значения

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема в печать: 15.04.2023

Для цитирования:

Якушевич И.В. ВЕТЕР: семантизация символа в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 893–909. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-893-909>

WIND: Semantics of the Symbol in Boris Pasternak's Novel "Doctor Zhivago"

Irina V. Yakushevich

Moscow City University,

4, 2nd Selskhozoyastvenny str., Moscow, Russian Federation, 129226

 sa1107@yandex.ru

Abstract. The study was conducted at the intersection of semiotics, linguoculturology and linguopoetics of the text and is devoted to one of the urgent issues — the identification, semantic description and linguistic representation of one of the significant symbols of national mythological thinking — WIND. The purpose of the study is to present a model of the symbolic structure of the symbol WIND and to consider its linguistic transformation in the novel «Doctor Zhivago». The main research method is a semantic–semiotic description of the symbolic structure of the symbol WIND in the categories of signifier A and signified B. By symbol's semantics we mean the peculiarities of its linguistic embodiment and, as a consequence, the emergence of the author's transformation of the general cultural symbolic code of a word. The signifier of the symbol — the sensual image of the air flow — in the text can be semanticized both by the words wind, blizzard, storm, etc., and by different syntactic constructions. The signified is a number of symbolic meanings which have developed in the culture of the people as a result of the mythological identification of the air element of nature and man. As a result of the study, five symbolic meanings were found, for the objectification of which dictionary data and folklore texts were used: 1) WIND→SPIRIT, SOUL, 2) WIND→BIRTH AND DEATH OF A PERSON, 3) WIND→WORD, MESSAGE, 4) WIND→EVIL, MAGIC, 5) WIND→LIFE. In the text, each of these general cultural meanings is transformed into a system of events and characters of the novel. So, the second meaning is represented by four variants of the signified: 'death of Zhivago's mother', 'birth of a son', 'death of Antipov', 'death of Yuri Zhivago'. The most frequent in the representation of the two-component structure of the symbol are ascending gradation series, indicating the growth of wind power and its transformation into rain or blizzard. At the same time, a gradation series of words unfolds, conveying the dynamics of the psychological or physical state of the hero. The symbolic meaning is often actualized with the help of other symbols whose signified duplicates the wind symbol. The result of the study is the conclusion about the ambivalent nature of the symbol WIND, which occurs at key moments in the of Yuri Zhivago's life. The wind is life itself in its mystical understanding like immortality.

Keywords: wind-symbol, signifier, signified, doubler symbol, ascending gradation, actualizer of symbolic meaning

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.04.2023

For citation:

Yakushevich, I.V. (2023). WIND: Semantics of the Symbol in Boris Pasternak's Novel "Doctor Zhivago". *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 893–909. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-893-909>

Введение

Одним из перспективных направлений в лингвокультурологии является исследование языковых репрезентантов славянского мифологического мышления. Слово-символ семантизирует мифологическое мышление, «закрепляет в индивидуальном и коллективном сознании фрагменты переживаемого опыта» [1. С. 221]. Под семантизацией (или лексикализацией) мифа подразумевается вербализация в речи символических смыслов [2. С. 47; 3]. В художественном тексте символ включен в иерархическую цепочку «индивидуальное сознание — текст — культура» и является языковым носителем русской ментальности — «национального способа выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка» [4. С. 15]. Таким образом, семантизированный в художественном тексте символ включает, с одной стороны, смыслы «диахронной вертикали» — накопленные в процессе семиогенеза символические значения, реконструированные в результате анализа этимологии слова, его древнерусских значений и актуализированных в фольклорных текстах смыслов. С другой — символ передает авторское мироощущение, изменяясь под его влиянием. Трансформация общекультурного символического кода слова в индивидуально-авторской интерпретации порождает символ художественного текста как «генератор смыслов», по сути, сам изолированный текст [4. С. 146].

Цель предлагаемого исследования — моделирование семантической структуры символа ВЕТЕР и анализ его репрезентации в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Методы исследования

Для анализа текста символ ВЕТЕР необходимо семантизировать в виде знаковой модели [5. С. 5]. Означающее такого знака следует понимать двойственно: с одной стороны, это образ денотата, с другой — слова, называющие денотат. И это не только слово *ветер* («движение потока воздуха в горизонтальном направлении» [6]), но и другие номинации денотата на основе разных его признаков. Под денотатом мы подразумеваем «любой фрагмент действительности и представление о нем» [7. С. 51]. Что это за номинации?

Их главный источник — перцептивные признаки денотата. Чувственность денотата слова *ветер* складывается из нескольких эмпирических признаков: а) это поток воздуха, б) он перемещается, в) в горизонтальном направлении. Помимо этого для образной составляющей важны и другие признаки ветра: г) сила потока, д) температура воздуха (см. [1. С. 223]) и е) то, что именно он переносит: снег, дождь, пыль, звуки и пр. Слова *снег*, *метель* и *дождь*, называющие этот эмпирический образ в тексте, актуализируют либо один признак, либо все. Обоснуем привлечение этих слов в качестве означающего.

Ветер, переносящий снег, по мнению Н.В. Халиковой, переходит в другой образ — вьюги и метели [8. С. 54], о котором как о значимом символическом образе романа писали многие исследователи «Доктора Живаго». В частности, Б.М. Гаспаров считал метель запредельным и вечным началом [9. С. 265]. Воронежский ученый К.А. Нагина анализирует «*метельный текст*» в стихотворениях из посмертного сборника стихов Живаго («Снег идет», «Зимняя ночь» и «Рождественская звезда»), отмечая традиционный для русской литературы, наследуемый у А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого мотив метели как запретной любви и как неумолимой судьбы, действующей независимо от желаний влюбленных [10. С. 33–34]. В данной статье автор принципиально объединяет *ветер* и *метель* в один образ-означающее на основании двух причин. Первая заключена в словарном толковании метели именно как ветра, а снег — переносимая ветром субстанция [6]. Вторая — в степенном значении метели как сильного ветра. Ниже мы увидим, что Б.Л. Пастернак не раз использует эти два параметра — усиление силы ветра и характер переносимой субстанции (снег, дождь, мусор) — для градационной динамики символического образа. Итак, как и *ветер*, слова *снег*, *метель*, а также по аналогии *дождь* мы также относим к означающим символа ВЕТЕР.

Каково означаемое такого символа? Означаемое символа, его символическое значение есть результат аниматизма — веры во всеобъемлющую одушевленность природы. Это один из главных признаков мифологического мышления [11. С. 47]. Найдено 5 символических значений, для объективации которых был привлечен анализ внутренней формы слова, данные этнолингвистического словаря «Славянские древности» и «Словаря библейских образов», а также контексты фольклорных произведений, Библии: 1) ВЕТЕР→ДУХ, ДУША, 2) ВЕТЕР→РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА, 3) ВЕТЕР→СЛОВО, ВЕСТЬ, 4) ВЕТЕР→ЗЛО, МАГИЯ, 5) ВЕТЕР→ЖИЗНЬ.

В тексте романа такая структура развернута в «описательных формах» разного формата: от слова и словосочетания до сверхфразового единства [8. С. 52]. Все описательные формы символа ВЕТЕР разделим на два типа. Первые являются языковыми носителями означающего (обозначим как А) и включают либо слово *ветер* (которое в романе употреблено 65 раз), либо другие слова, называющие этот референт. Они акцентируют в нем а) разную силу ветра: *бушевала*, *свистела* и *завывала*

(вьюга); **порывистый** осенний ветер, ветер **шевелил** страницами писем, **теплый заговаривающийся** ветер, **сонный** ветер, **буран**; б) переносимые ветром снег, дождь, пыль и пр.: *бушевала вьюга, воздух дымился снегом, ветер тащил (газеты и афиши), ветер загонял дым в комнату, ветер взметал... тучи вертящихся снежинок, облака поднятого песка и пыли и др.*

Второй тип описательных форм является носителем означаемого (обозначим Б). Назовем их актуализаторами символического значения. Это элементы текста (слова, конструкции), раскрывающие импликацию [12].

Результаты исследования

1. ВЕТЕР→ДУХ, ДУША.

Первое и главное символическое значение скрыто уже в этимоне слова *ветер*: общ. слав. **větrъ* было обозначением персонифицированного ветра-духа или ветра-бога. В свою очередь древнерусское слово *духъ* обозначало ‘дуновение, ветер’. Но кроме этого *духъ* — это также жизненное начало, бесплотное сверхъестественное существо, душа [13. С. 153]. Об этом писал А.Н. Афанасьев: «В глубочайшей древности верили, что ветры суть дыхание божества» [14. Т. I. С. 145]. «Душа понималась, как существо воздушное, подобное дующему ветру... Такое представление души совершенно согласно с тем физиологическим законом, по которому жизнь человека условливается вдыханием в себя воздуха» [Там же. Т. III. С. 210]. В Библии: «они (ангелы — И.Я.) называются ветрами (Цар. 22, 11; Пс 17, 11; 103, 3; и др.).»

1. ВЕТЕР→ Лара и любовь к ней

На значение ветра как любви в славянской мифологии также указывал А.Н. Афанасьев: «Чувство любви есть также наносное; те же буйные ветры, которые пригоняют весною дождевые облака, раздувают пламя грозы и рассыпают по земле семена плодородия, — приносят и **любовь** на своих крыльях, навевают ее в тело белое, зажигают в ретивом сердце» [14. Т. 1. С. 453–454].

В романе ветер символизирует любимую женщину Юрия Живаго — Лару. Ее прототипом была поздняя любовь Б.Л. Пастернака — О.В. Ивинская. Об этом поэт сообщил в письме Ренате Швейцер 7 мая 1958 г.: «Я познакомился с молодой женщиной — Ольгой Всеволодовной Ивинской... Она и есть Лара моего произведения, которое я именно в это время начал писать» [15. С. 198]. Так, легкое дуновение стало предвестником появления Ларисы в госпитале: *ветер шевелил страницами писем и листал газеты... Послышались легкие шаги. В палату вошла Лара* (Б). Эти предложения следует рассматривать как семантический параллелизм: *ветер* (А) *шевелил страницами / вошла Лара* (В).

Семантическим параллелизмом связаны значение ‘снег’ и ‘лирическая героиня’ в первой строфе автобиографичного стихотворения «Свидание» из сборника стихов Юрия Живаго:

*Засынет снег (А) дороги,
Завалит скаты крыши.
Пойду размять я ноги:
За дверью ты (Б) стоишь.*

«Свидание», по воспоминаниям О.В. Ивинской, было написано после первого инфаркта, вызванного у Б.Л. Пастернака ее арестом. В реальности это был сон о том, что болезнь отступила и случилось долгожданное свидание с любимой женщиной. К ней в лагерь приходили письма от Б.Л. Пастернака, среди прочих и «Свидание» [Там же. С. 129].

Во время грозы в Мелюзееве перед отъездом Живаго в Москву мадмуазель и Юрий Андреевич отчетливо слышали стук в дверь и, совершенно уверенные, что это Лара, пошли открывать: *Порыв ветра (А) вырвал дверь из его рук, задул свечу и обдал обоих с улицы холодными брызгами дождя.* Символическое значение скрыто в предложении: *Они были так уверены в этом, что...след этой уверенности остался за углом дома на улице, в виде водяного знака этой женщины или ее образа (Б), который продолжал им мерещиться за поворотом.* Актуализаторами символического значения ‘дух’ являются слова *образ, мерещиться*, метафорические словосочетания *след уверенности, знак женщины*.

В Юрятине холодный майский ветер словно преграждал дорогу к Антиповой: поднимал облака песка и пыли, а за секунду до встречи *ветер (А) взвил к небу землю и мусор со всего двора, завесив двор от доктора.* И если сам ветер символизировал страсть героя, то сор, поднимаемый ветром, — измену: именно так свои свидания воспринимали Юрий Андреевич и Лара. Они часто говорили о Стрельникове-Антипове, а дома Живаго чувствовал себя *неуличенным преступником (Б)*. Актуализаторами символического значения является лексика со значением измены: *обманывать, преступник, вина, свободная любовь, нечистая совесть*.

2. ВЕТЕР→ Вася Брыкин. Ветер, ворвавшийся в опустевшую избу, предвосхитил появление в судьбе Живаго погорельца Васи Брыкина, с которым доктор вернется в Москву. Здесь в символический контекст повествования внесен символ-дублер «дом как тело и душа человека», издревле известный в русской культуре [16]. Под символом-дублером мы будем подразумевать такие вербализованные символы, у которых означенное выражено разными словами (словосочетаниями), а одно из символических значений совпадает. Например, значение ‘тело и душа человека’ свойственно многим символам: дом, корабль, ветер, сосуд и др.

Незначительное, на первый взгляд, описание опустевшего жилища является символическим портретом осиротевшего и одинокого подростка: *Вечер был тихий, но точно ветер ворвался в избу (А), едва доктор ступил в нее... Всё в избе задвигалось, зашуршало.* Дом — Вася Брыкин, вечерний ветер — Живаго: *Вылезший из-под обрыва водонос (Б) оказался молодым подростком (Б). Он был бос, оборван и лохмат.* Актуализаторами символического значения являются не только слова, называющие ребенка (*человек, водонос, подросток, голова, плечи, руки*), но и цветовые детали, создающие семантический параллелизм. Движущиеся и шуршащие в избе *кочки валявшегося сена и пакли, лоскутья отставшей бумаги* — символическое воплощение *светло-русой и лохматой* головы Васи.

3. ВЕТЕР→ дух Юрия Живаго [17]. В стихотворении ВЕТЕР из посмертного сборника стихов Юрия Живаго дух умершего героя романа обращается к любимой женщине, Ларе: *Я кончился (Б), а ты жива.* В этой строке символическое значение выражено предложением *я кончился*, т.е. умер. Сам факт речи от первого лица в первой и последней строках стихотворения и есть актуализатор символического значения ‘дух’. Эти предложения можно отнести к несобственно-прямой речи: мистическое обращение духа остается скрытым внутри лирического «я» переживанием. Тем органичнее во 2-ой строке появляется его материальное воплощение — ветер. Порывы ветра и есть слова колыбельной песни лирического героя, пытающегося успокоить возлюбленную. В своих воспоминаниях О.В. Ивинская отождествляла Б. Пастернака с ветром. В главе «Я кончился, а ты жива...», посвященной похоронам поэта, она писала: *«Живет твоя песня, любимый мой. И она будет жить всегда пока люди не забыли, что такое поэзия»* [15. С. 387].

II. ВЕТЕР→ РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА

Ветер, свободно перемещающийся в небе, где, согласно древнеславянским представлениям, находился тот свет, отождествлялся с божественной силой, способной как дать жизнь, так и отнять ее. Так, в словаре В.И. Даля слово *дыхание* обозначает жизнь и все живое: существо, тварь, человека или животное. Исторически однокоренное слово *дохнуть* обозначает смерть от недостатка воздуха, от удушливой тесноты. В пословице *На ветер живота не напасешься, на смерть детей не нарожаешься* слова *ветер* и *смерть* объединены синтаксическим параллелизмом [18. Т. 1. С. 92]. В Библии: *«Были беременны, мучились, и рождали как бы ветер»* (Книга Исаия. Глава 26. Стих 18). О пастернаковском мотиве погребения Москвы в годы революции писали Е.Б. Скороспелова и Ш.К. Чаглыян [19. С. 44]. В «Докторе Живаго» ветер неоднократно символизирует смерть и рождение героев романа.

1. ВЕТЕР→ смерть матери Живаго. В начале романа ветер описывает смерть Марьи Николаевны. Очевидно, что сила ветра растёт по мере осознания мальчиком непоправимого: сначала во время похорон это были *дуновения ветра*, который словно бы тоже пел «Вечную память». Потом — сильные

порывы, и кусты облетелой акации метались, как бесноватые, и ложились на дорогу. И наконец, в ночь, после похорон матери, на дворе бушевала **вьюга**, **воздух** дымился снегом... С неба... бесконечными мотками падала на землю белая ткань, обвивая ее **погребальными пеленами**. Означающее символа выражено не только именами существительными *ветер* — *вьюга* — *буря*, но и глаголами *налетел (ветер)* — *бушевала (вьюга)* — *свистела и завывала (буря)* — *метались и ложились на дорогу (кусты)*. Обе парадигмы выстраиваются в восходящую градацию, которая материализует постепенное осознание ребенком смерти. Актуализатором этого символического значения является похоронная лексика: *погребальный, кладбище, хоронить, царствие небесное, венки, креститься, гроб, холмик*, а также метафора, ассоциирующая падающий снег с погребальным саваном: *падала на землю ткань, обвивая ее погребальными пеленами*. На эту метафору метели-смерти обратила внимание Н.В. Кобзева [20. С. 138].

2. ВЕТЕР → **рождение сына Живаго**. Порывистый осенний ветер, терзающий виноградную лозу, не просто символизировал рождение сына Юрия Живаго, а передавал саму боль, которую терпела Тоня во время родов: **Порывы ветра** (А) *терзали побеги дикого винограда, которыми была увита одна из террас*. **Ветер** (А) *как бы хотел вырвать растение целиком, поднимал на воздух, встряхивал на весу и брезгливо кидал вниз, как дырявое рубище*. В этом фрагменте не один символ рождения человека. Это не только ветер, но и виноградная лоза, обозначающая в Библии плодородие и женщину (в хорошей семье жена «как плодовая лоза» Пс. 143:12) [21. С. 981]. Означающее выражено как словом *ветер*, так и восходящей градацией глаголов, называющих его действия: *терзали (порывы)* — *поднимал на воздух* — *встряхивал* — *кидал (ветер)*. Символический смысл стихии герой поймет позже, увидев через дверную щель новорожденного сына и Тоню, которая была *подобна разгруженной барке, совершающей переходы через море смерти к материку жизни*. Лодка также древний языческий и христианский символ переправы между тем и другим светом [22]. Однако в авторском варианте лодка перевозит души нерожденных детей в их земное существование. Актуализаторами символического значения стали символы-дублиеры (лоза и лодка), а также лексика, называющая реалии деторождения: *роды, прошли воды, схватки, новорожденный, бремя, акушерка и др.*

3. ВЕТЕР → **мнимая смерть Антипова**. Галлиулин считал Антипова и его солдат подорвавшимися на снарядах. В контексте боя символически значимой становится фраза об осеннем поле, *поросшим качающейся на ветру* (А) *сухую полынью и неподвижно торчащим кверху колючим будяком*. Актуализаторами символического значения ‘смерть’ является не только называющая ее лексика (*погибшие, убит*), но и появление такой детали, как качающаяся на ветру полынь. Сплетение двух символов создает символический мотив «растение на ветру». Растение — древнейший языческий

и христианский символ. Напитанное влагой, оно обозначает плодородие, сухое и сломанное — смерть, зло [21. С. 982]. В эпизоде мнимой гибели Антипова значим эпитет *сухая* (попынь), обозначающий не только смерть растения, но и людей. Такова же роль эпитета *облетелая* в описании акации, которую в день смерти матери видит за окном маленький Юра: *Когда налетел ветер (А), кусты облетелой акации метались, как бесноватые, и ложились на дорогу*. Сухое или облетелое растение можно противопоставить налитому колосу, с которым в день Тониных родов автор сравнивает *косую штриховку дождя, струи которого ломал и отклонял в сторону порывистый осенний ветер (А)*. Как и указанный выше образ терзаемой ветром лозы, это символ новой жизни.

4. ВЕТЕР → СМЕРТЬ ЮРИЯ ЖИВАГО. Прекратившийся порыв ветра — символическое описание смерти Ю. Живаго: *Порыв пыльного ветра (А) проволочся по деревьям, задевая листьями за листья, стал срывать с дамы шляпу и подворачивать ей юбки, и вдруг улегся*. Мифологически отсутствие ветра означает отсутствие жизни. И как подтверждение этому в следующее мгновение доктор почувствовал приступ обессиливающей дурноты. Далее разворачивается описание смерти Живаго, маркером которой является градационно расположенная лексика: *приступ дурноты, непоправимая боль внутри, рухнул, не дышит, сердце не работает, смерть*.

Символами-дублерами являются пожилая женщина как символ смерти [23. С. 208] и трамвай как символ судьбы самого Живаго. Автор отмечает важность того факта, что маршрут женщины лежал параллельно маршруту трамвая. *Юрий Андреевич уже несколько раз терял ее из виду, когда починенный трамвай трогался с места и обгонял ее. И она несколько раз возвращалась в поле его зрения, когда новая поломка останавливала трамвай и дама нагоняла его*. Именно в этот момент герою приходит мысль о том, что есть несколько развивающихся рядом существований, движущихся с разной скоростью одно возле другого, и о том, когда чья-нибудь **судьба** обгоняет в жизни судьбу другого, и кто кого **переживает**. Слова *судьба* и *переживать* кого-то (то есть один умирает, а другой продолжает жить) придает образу трамвая символическое значение судьбы главного героя.

III. ВЕТЕР → СЛОВО, ВЕСТЬ

Это древнеславянское значение отражено в русских пословицах: *«Заочную брань (Б) ветер носит (А) // Это с ветру (А) сказано (Б). Это на ветер (А) говорится (Б). Это на вей-ветер (А) сказано (Б) // В прохладе живем: язык (Б) болтает (Б), и ветерок (А) продувает»* [18. С. 161, 177, 363]. Из русской народной песни: *«Вы, осенние ветры (А) буйные, Потяните к другу милому, Отнесите вы к нему весточку (Б)»* [24].

Символическое значение 'ветер как слово' находим в статье А.А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» [25]: *«Ветер переносит болезни и вести»*.

Эту статью Б. Пастернак, несомненно, знал, поскольку имя Блока неоднократно звучит на страницах романа, а в 1956 г. Б. Пастернак посвящает А. Блоку цикл «Ветер».

1. ВЕТЕР → письма и слова близкого человека. Значение ‘ветер как слово, весть от близкого человека’ появляется в трех эпизодах романа. По сути, краткие зарисовки о ветре — психологический портрет героя в момент получения новостей. Первый эпизод — чтение Юрием Андреевичем писем от Тони: *Юрий Андреевич читал **письма** (Б) от Тони, доставленные полевой **почтой** (Б) сразу в том количестве, в каком они там накопились... **Ветер** (А) шевелил страницами писем. За окном позевывал и ворочался сонный, сонно дышащий ветер. **Ветер** (А) плакал и лепетал: «Тоня, Шурочка, как я по вас соскучился, как мне хочется домой, за работу!»* Вести от жены герой воспринимает с теплотой и любовью, поэтому и ветер наделяется этими чувствами, выраженными олицетворяющими глагольными формами *шевелить, позевывать, ворочаться, дышащий, плакать и лепетать*.

В двух других эпизодах речь идет о прощальных словах, превращающихся в ветер со снегом или дождем благодаря развернутому сравнению [26], которое и становится актуализатором символического значения. В частности, после бегства от партизан, в Юрятине, Юрий Андреевич снова получает письмо от Тони. Сначала появляется символ-дублер — «сороки как предвестники новостей» [27] и *ветер слегка пушил и раздувал их перья*. По мере чтения письма герой узнает о рождении дочери Маши, об отъезде Тони с детьми в Париж и понимает, что не увидит их больше никогда. Это надвигающееся горе передается образом усиливающегося ветра со снегом. Автор сравнивает кружащиеся снежинки с рисунком пробелов между буквами в письме; снежные хлопья становятся этими пробелами, и письмо длится бесконечно: *как будто это не **снег шел** (А), а продолжалось **чтение письма** (Б) Тони и проносились и мелькали не сухие **звездочки снега** (А), а **маленькие промежутки белой бумаги** (Б) между маленькими черными буковками, белые, белые, без конца, без конца*. Отметим, что мелькание пробелов и букв не просто метафора снега, но выражение слез и физической боли во время сердечного приступа и последующего обморока Юрия Андреевича. Наречия, характеризующие усиление снегопада, выстраиваются в восходящий градационный ряд, подкрепленный формами степеней сравнения: *слегка (пушил перья сорок), быстрее и гуще (нес снег)*. Параллельно разворачивается и градация эмоций героя, переходящая в сердечный приступ: *отсутствующие бесслезные глаза, сухие от горя (глаза), опустошенные страданием, ничего не видел кругом, ничего не сознавал, застонал, схватился за грудь, обморок, повалился без сознания*.

Похожий прием Б. Пастернак использует в эпизоде прощания Ларисы у гроба Юрия Живаго, когда ее слова сравниваются с шелестом ветра,

а слезы — с шумом дождя: *Казалось, именно эти мокрые от слез слова (Б) сами слипались в ее ласковый и быстрый лепет (Б), как шелестит ветер (А) шелковистой и влажной листвой, спутанной теплым дождем.*

2. ВЕТЕР → весть о революции, диктатура пролетариата.

Это значение — аллюзия к «Двенадцати» А. Блока, на которую указывал еще Д.С. Лихачев [28]. Наиболее близко по семантике к блоковским образам описание в конце романа самосуда красноармейцев над разбойником: *поезд из-за ветра (А) тихо-тихо, ну, просто сказать, тихим шагом шел... Из теплушек красноармейцы (Б) на полотно один за другим. Вытащили его (разбойника — И.Я.) на шпалы, руки, ноги к рельсам привязали и по животу поезд провели, — самосуд.*

Весть о революции входит в жизнь героев романа постепенно. Сначала это только тревожные и противоречивые слухи, политические разговоры, отсутствие телеграфной связи. Эти настроения иллюстрировал пока еще слабый и теплый ветер: *Несколько дней была переменная, неустойчивая погода, теплый, заговаривающийся ветер (А) ночами, которые пахли мокрой землей.*

Ворвавшийся в форточку московский свежий ветер сильнее. Он хлопнул какую-то дальнюю дверь и, кружась по всем углам, стал, как кошка за мышью, гоняться за остатками дыма. Следующее предложение связано с предыдущим семантическим параллелизмом, подкрепленным сравнительным оборотом: *В это время в комнату так же стремительно, как воздух в форточку (А), ворвался Николай Николаевич с сообщением (Б): — На улицах бой. Идут военные действия между юнкерами, поддерживаемыми Временное правительство, и солдатами гарнизона, стоящими за большевиков.*

Позже, в момент, когда Юрий Андреевич читает экстренный выпуск об установлении в России советской власти и введении диктатуры пролетариата, ветер превращается в метель, которая *в открытом поле с визгом стелется по земле, а в городе мечется в тесном тупике, как заблудившаяся... Метель (А) хлестала в глаза доктору и покрывала печатные строчки газеты серой и шуршащей снежной крупой.* В макроконтексте нескольких глав снова выстраивается восходящая градация глагольных форм, характеризующих усиление ветра-метели: *заговаривающийся (ветер), ворвался (ветер), усиливающийся (ветер), повалил (снег), стала разыгрываться (метель), хлестала в глаза (метель).* Означаемое маркировано лексикой со значением новости о революции: *экстренный выпуск, печать, правительственное сообщение об образовании Совета Народных Комиссаров, установлении в России советской власти и введении в ней диктатуры пролетариата.*

IV. ВЕТЕР → ЗЛО, МАГИЯ

О вьюгах как демонической силе писал А.Н. Афанасьев: *«Зимою злые духи вылетают на белый свет, бегают по полям и от холода дуют себе в кулак; от такой прогулки бесов сдавливаются снег морозом и трещит под ногами, а от дуновения в кулак встают бураны, метели и осыпаются деревья*

инеем» [14. Т. 1. С. 976]. В романе это значение связано с образом Кубарихи-Злыдарихи — коровьей знахарки, с *бабой ветреняжкой*. Ее слова раскрывают символическое значение ветра-метели: **Ветер** (А) *ведь это, воздух, снеговая пыль. А то-то и есть, кума, не ветер это буран* (А), а **разведенка оборотенка** (Б) *детеньша ведьмочка своего потеряла, ищет в поле, плачет, не может найти*.

В «Поэзии заговоров и заклинаний» А. Блок описал колдовскую вьюгу, в которую надо воткнуть нож: «*В вихревых столбах* (А) **ведьмы и черти** (Б) *устраивают поганые пляски и свадьбы; их можно разогнать, если бросить нож в середину вихря: он втыкается в землю, — и поднявший его увидит, что нож окровавлен*». В романе есть иллюстрация этого блоковского фрагмента в словах Кубарихи: *Придет зима, пойдет метелица в поле вихри толпить, кружить столбунки. И я тебе в тот столб снеговой, в тот снеговорот нож залукну, вгону нож в снег по самый черенок, и весь красный в крови из снега выну*.

Значение снежной бури как зла, имеющего демонически-потусторонний характер, имеет оценочное символическое значение и является фактическим ключом к ряду эпизодов, в которых усиливающаяся метель предвосхищает или параллельно иллюстрирует беду: смерть матери Живаго, письмо об отъезде Тони и детей за границу, объявление о свершении революции.

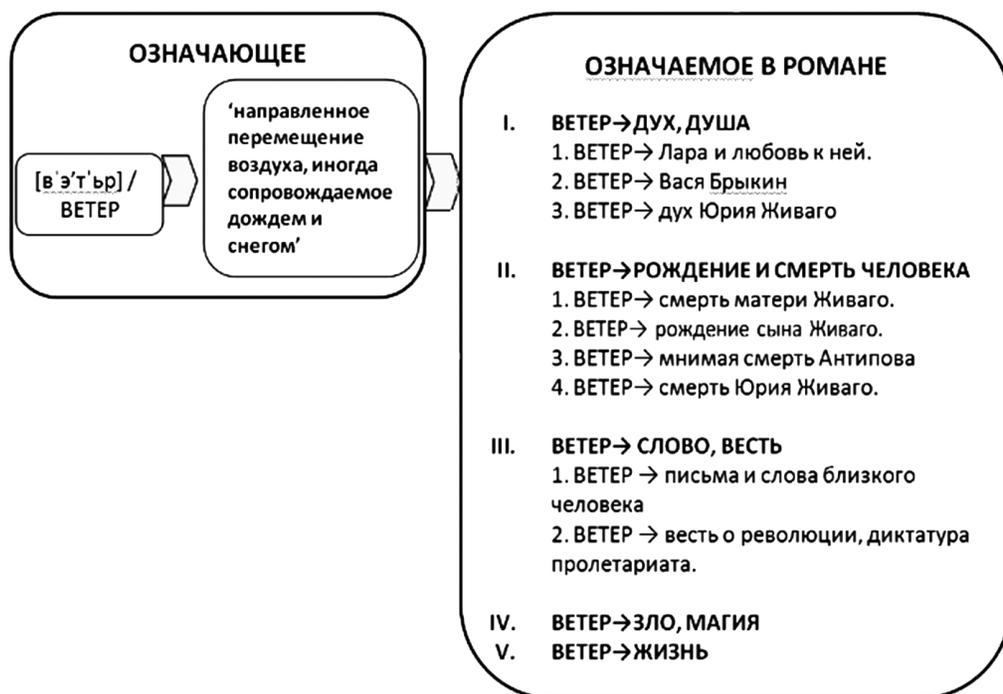
V. ВЕТЕР → ЖИЗНЬ

Это значение возникает в описании эмоционального состояния Юрия Живаго в Мелюзееве. Летний ночной ветер в этом отрывке переносит запахи *векового графинино сада* и особенно *благоухание старой зацветающей липы*. Означающее здесь оформлено сравнительным оборотом: *Всё кругом бродило, росло и всходило на волшебных дрожжах существования* (Б). *Восхищение жизнью* (Б), как *тихий ветер* (А), *широкой волной шло, не разбирая куда, по земле и городу, через стены и заборы, через древесину и тело, охватывая трепетом всё по дороге*.

Значение ‘ветер как жизнь’ следует считать собирательным. Оно связывает сквозной и значимый символ ВЕТЕР в романе с его названием. Живаго — значит не просто ‘живой’: это совокупность всего самого главного, судьбоносного, чем наделен человек, — сама жизнь и уход из нее, дух и душа человека, любовь и рождение детей, встреча и потеря близких людей. Вся многозначность и полнота понимания слова *живаго* является, по сути, эманацией символа ВЕТЕР. Феноменологическое понимание жизни возникнет в импровизированной речи молодого Юры Живаго, успокаивающего Анну Ивановну: *Но всё время одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях... Смерти не будет. «Смерти не будет»* — слова из Апокалипсиса Иоанна Богослова и первое название романа в рукописи 1946 года. Ветер — сама жизнь (*живаго*) в космическом и даже мистическом ее понимании как

жизнь и смерть одновременно, как бессмертие («смерти не будет»). Это своего рода «*медиатор между жизнью и смертью*» [29. С. 378].

На рис. представлена знаковая семантическая структура символа ВЕТЕР в романе. Означаемое двухуровневое: римская цифра указывает на известное в русской культуре символическое значение, нашедшее отражение в словарях символов или в русском фольклоре (например, «ВЕТЕР→ДУХ, ДУША»); арабская цифра обозначает трансформацию этого значения в авторском замысле и ее реализацию в «Докторе Живаго» (например, «ВЕТЕР→Лара и любовь к ней»).

Семантико-семиотическая структура символа ВЕТЕР
 Semantic and semiotic structure of the symbol WIND

Заключение

В романе «Доктор Живаго» символ ВЕТЕР представляет собой сложную знаковую семантическую модель А→Б. Означаемое А выражено словами, называющими в тексте романа стихию ветра и несущих им осадков, а также признаки и действия стихии (слова *ветер, метель, дождь, вьюга, заговаривающийся, порывистый, бушевала, свистела и др.*). Означаемое — система из пяти известных в русской культуре архетипических значений, обусловленных древним аниматическим представлением о ветре. В тексте эти значения трансформированы автором и детализированы под влиянием персонажей и сюжета романа.

В микроконтексте означаемое и означающее сосуществуют и вплетены в структуру синтаксических конструкций. Наиболее частотными в репрезентации символа являются восходящие градационные ряды однородных членов предложения, либо слов в составе текстовых тематических групп. Такие ряды разворачивают картину усиления ветра и превращения его в дождь или метель. Одновременно разворачивается градационный ряд слов, раскрывающий переживания главного героя. Параллельные ряды градации выражают символ в следующих фрагментах: буря и осознание смерти матери Юрия Живаго в ночь после похорон; рождение его сына; начинающийся снегопад и сердечный приступ во время чтения письма об эмиграции Тони и детей; постепенно приходящие новости о диктатуре пролетариата. Для актуализации того или иного символического смысла ветра автор особое значение придает символу-дублеру — символу с тем же означаемым Б, но с другим означающим А. Таких примеров несколько: виноградная лоза как символ плодородия и женщины; перевозящая души на землю лодка Харона как символ рождения человека; засохшее растение как символ смерти; идущая женщина как смерть; трамвай как символ судьбы; дом как символ человека.

Ветер возникает в ключевые моменты жизни Юрия Живаго. С одной стороны, ветер — это зло, принесенное революцией, это смерть матери и собственная смерть, а также невосполнимая потеря близких: эмигрировавших Тони и детей, уехавшей из Варыкина Лары. С другой стороны, ветер — это рождение сына, любовь к детям и женщине. Ветер в романе сквозной и амбивалентный символ, обозначающий саму жизнь в самом мистическом ее понимании — как бессмертие.

Библиографический список

1. *Карасик В.И.* Ветер как лингвокультурный символ в русском и английском сознании // Русистика и компаративистика. Сб. научн. тр. по филологии / ред. С.А. Васильев. М.: Книгодел, 2021. С. 219–235.
2. *Кошарная С.А.* Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек — Природа» в русской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2003. С. 47.
3. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
4. *Лотман Ю.М.* Текст и полиглолизм культуры // Избранные статьи: В 3—х т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 142–148.
5. *Якушевич И.В.* Лингвокогнитивная типология символов // *Russian Journal of Linguistics*. 2012. № 4. С. 5–13.
6. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 17.09.2022).
7. *Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М.: Флинта, Наука, 2002.

8. Халикова Н.В. Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И.А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 51–59. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-4-51-59>
9. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука — Восточная литература, 1994.
10. Нагина К.А. Траектория «метельного» текста (толстовское присутствие в творчестве Б. Пастернака) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 31–40.
11. Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. М.: Изд. Моск. ун-та, 2003.
12. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–91.
13. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2014. Вып. 1–39.
14. Афанасьев А.А. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 тт. Т. 3. М.: Индрик, 1991.
15. Ивинская О.В. В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. Paris: Fayard, 1978.
16. Якушевич И.В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. Владимир: Транзит-ИКС, 2018.
17. Якушевич И.В. Языковая организация мифологического двоимирия в стихотворении Б. Пастернака ВЕТЕР // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 5. С. 74–79. <https://www.doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-5-74-79>
18. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1.
19. Скороспелова Е.Б., Чаглыян Ш.К. Семантика и функции мотива метели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4(58). Ч. 2. С. 41–44.
20. Кобзева Н.В. Грамматические средства выражения образа *метель* в тексте // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 10(90). С. 137–140.
21. Словарь библейских образов. М.: Библия для всех, 2005. С. 141–144.
22. Петрухин В.Я. Лодка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 128–129.
23. Кабакова Г.И. Женщина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 205–208.
24. Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевского. Т. V. СПб.: Гос. тип., 1899. С. 1–2.
25. Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний // Собрание соч.: в 6-и тт. Т. 3. С. 31–59. М.: Правда, 1971.
26. Девятова Н.М. Субстантивные сравнительные обороты в русском языке // Русский язык в школе. 2005. № 2. С. 85–88.
27. Леонтьева Т.В., Мокиенко В.М. Из восточнославянской паремиологической орнитологии: друзья и враги сороки. Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 17–20 мая 2022 г.) / Ред. колл. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. Брянск: РИСО «БГУ», 2022. С. 68–74.
28. Лихачев Д.С. Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989. С. 7–24.
29. Жолковский А.К. Поэзия и грамматика живаговского «Ветра» // Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 369–409.

References

1. Karasik, V.I. (2021). Wind as a linguocultural symbol in Russian and English consciousness. In: *Rusistics and comparative studies. Collection of scientific works on philology*. S.A. Vasiliev. (Ed.). Moscow: Knigodel. pp. 219–235. (In Russ.).

2. Kosharnaya, S.A. (2003). *Linguoculturological reconstruction of the mythological complex “Man — Nature” in the Russian language picture of the world* [dissertation]. Moscow: Russian State Library. (In Russ.).
3. Kolesov, V.V. (2006). *Russian mentality in language and text*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies. (In Russ.).
4. Lotman, Yu.M. (1992). Text and polyglotism of culture. In: *Selected articles*. Tallin: Aleksandra. (In Russ.).
5. Yakushevich, I.V. (2012). Lingvokognitive typology of symbols. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 5–13. (In Russ.).
6. Solodub, Yu.P. & Albrecht, F.B. (2002). *Modern Russian language. Lexicology and phraseology (comparative aspect)*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.).
7. Dictionary of the Russian language (1999). A.P. Evgenieva (Ed.). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 17.09.2022). (In Russ.).
8. Khalikova, N.V. (2020). Formal and Semantic Structure of the Artistic Image “The Wind Blows” in I. Bunin’s Fiction. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 51–59. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-4-51-59> (In Russ.).
9. Gasparov, B.M. (1994). Literary leitmotives. *Essays of Russian literature of the XX century*. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura (Oriental Literature) Publ. (In Russ.).
10. Nagina, K.A. (2011). Trajectory of the “blizzard” text (Tolstoy’s presence in the works of B. Pasternak). *Pushkin Leningrad State University journal*, 1, 31–40. (In Russ.).
11. Pronina, E.E. *Psychology of journalistic creativity*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.).
12. Arnol’d, I.V. (1982). Implication as a method of constructing a text and the subject of philological study. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 83–91. (In Russ.).
13. Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund (1974–2014). O.N. Trubachev (Ed.). Moscow: Nauka. Iss. 1—39. (In Russ.).
14. Afanas’ev, A.A. (1991). *Poetic views of Slavs on nature*. Vol. 3. Moscow: Indrik. (In Russ.).
15. Ivinskaya, O.V. (1978). *In captivity of time. Years with Boris Pasternak*. Paris: Fayard. (In Russ.).
16. Yakushevich, I.V. (2018). *The symbol “house” in the Russian language and poetic text*. Vladimir: Transit-X. (In Russ.).
17. Yakushevich, I.V. (2021). Linguistic organization of the mythological world in B. Pasternak’s poem “The Wind”. *Russian language at school*, 82(5), 74–79. <https://www.doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-5-74-79> (In Russ.).
18. Dal’, V.I. (1989). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
19. Skorospelova, E.B. & Chaglyyan, Sh.K. (2016). Semantics and functions of the blizzard motif in B. Pasternak’s novel “Doctor Zhivago”. *Philology. Theory & Practice*, 4(58), 41–44. (In Russ.).
20. Kobzeva, N.V. (2010). Grammatical means of expressing the image of a blizzard in the text. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 10(90), 137–140. (In Russ.).
21. Dictionary of Biblical images. (2005). Moscow: Bible for All. pp. 141–144. (In Russ.).
22. Petrukhin, V.Ya. (2004). Boat. Slavic antiquities. In: *Ethnolinguistic dictionary*. N.I. Tolstoy (Ed.). Vol. 3. Moscow: International Relations. pp. 128–129. (In Russ.).
23. Kabakova, G.I. (1999). Woman. In: *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*. N.I. Tolstoy (Ed.). Vol. 2. Moscow: International Relations. pp. 205–208. (In Russ.).
24. Great Russian Folk Songs. A.I. Sobolevsky (Ed.). Saint Petersburg: State Type. (In Russ.).
25. Blok, A.A. (1971). Poetry of conspiracies and spells. In: *Collection of Works*. Vol. 3. Moscow: Pravda. pp. 31–59. (In Russ.).

26. Devyatova, N.M. (2005). Substantive comparative turns in the Russian language. *Russian language at school*, 2, 85–88. (In Russ.).
27. Leont'eva, T.V. & Mokienko, V.M. (2022). From the East Slavic paremiological ornithology: friends and enemies of the magpie. In: *Russian traditions of everyday linguoculture in the Slavic frontier: Scientific reports of participants of the International Scientific and Educational Forum* (Novozybkov, Bryansk region, May 17–20, 2022). S.N. Starodubets, V.N. Pustovoitov, S.M. Pronchenko (eds.). Bryansk: Bryansk State University publ. pp. 68–74. (In Russ.).
28. Lihachev, D.S. (1989). Reflections on the novel by B.L. Pasternak “Doctor Zhivago”. In: *Pasternak B. Doctor Zhivago*. Moscow: Book Chamber. pp. 7–24. (In Russ.).
29. Zholkovsky, A.K. (2011). Poetry and grammar of the Zhivagovsky “Wind”. In: *Pasternak's poetics: invariants, structures, intertexts*. Moscow: New Literary Review. pp. 369–409. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Якушевич Ирина Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин института гуманитарных наук МГПУ (Московский городской университет); *сфера научных интересов*: лингвопоэтика в связи с сенсорной лингвистикой и теорией символа, этнолингвистика и лингвокультурология, диалектология; *e-mail*: sa1107@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3053-7530; SPIN-код: 8004–2629

Information about the author:

Irina V. Yakushevich, D.Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines Moscow City University (MGU). *Research interests*: linguopoetics in connection with sensory linguistics and symbol theory, ethnolinguistics and linguoculturology, dialectology; *e-mail*: sa1107@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3053-7530; SPIN CODE: 8004–2629